

жено начало католической миссии, т. е. постоянного пребывания католических священников. В 1715—1719 годах это были иезуиты литовской провинции ордена, с 1720 года — после изгнания иезуитов из России вообще — здесь работали священники ордена капуцинов швейцарской провинции и францисканцы — реформаты. О педагогической деятельности петербургских иезуитов мы в сущности ничего не знаем. Вполне вероятно, что апрельский декрет 1719 года об изгнании распространялся и на них, когда вменял иезуитам в вину вредное для православных воздействие на юношество.⁸⁹

Больше сведений имеется о педагогической деятельности капуцинов, сменивших в Петербурге иезуитов. Так, мы знаем, что швейцарский капуцин патер Аполлинарий из Швица в 1721 году содержал целую школу в католическом госписе в Петербурге — у него обучалось тогда пять русских «ноблей», т. е. дворянских сыновей, трое католиков и два лютеранина. Позже среди его учеников был сын одного из царских фаворитов (имя пока нам неизвестно), а в 1723 году патер Аполлинарий вел и «*le scuole in diverse lingue*».⁹⁰

Параллельно с капуцинами занимались обучением и францисканцы. В частности, патер Бонавентура Шульц давал уроки детям «городового мастера Дрезина», т. е. крупнейшего тогдашнего строителя Петербурга Доменико Трезини (Trezzini), в доме которого и жил. Патер Шульц преподавал также некоторым детям католиков немецкий язык и начатки католического богословия, устраняя этим от них возможное влияние лютеран и т. д. Интересно, что несколько позже патер Вестинье уклонялся от принятия на себя предложенного ему дела обучения нескольких русских дворян, опасаясь недоверия со стороны Синода.⁹¹ Однако и он, конечно, активно занимался педагогической работой среди католиков; в частности, мы знаем, что в 1732 году он настаивал перед римскими властями на необходимости в России «*un studioso di diverse lingue*» для обучения «*dei fanciulli Cattolici*».⁹²

Нужно учитывать еще и тот факт, что педагогическая деятельность была для католических священников в Петербурге одним из источников их материального обеспечения в дополнение к помощи, которую они получали со стороны самой католической колонии.

Мы не имеем основания преувеличивать значение латинских школ. Они затронули ограниченное количество русских людей, которые к тому же порою лишь короткое время посещали уроки латинских своих учителей и находились в сфере их школьного влияния. Все же при всей немногочисленности факты такого рода должны учигываться в общей перспективе развития школьного дела в России, русского школьного образования и культурного развития вообще. История латинских школ во времена Петра I — это глава истории русского культурного развития, во всяком случае развития образовательных средств на русской почве в эту важную эпоху истории России.

⁸⁹ См.: A. Florovský. Čeští jesuité na Rusi, s. 320 и сл.

⁹⁰ См.: P. Zacharie d'Harlem. Les capucins à Saint-Petersbourg (1720—1725), «Collectanea Franciscana», 1942, t. XII, fasc. 2—3, p. 45, 59—60.

⁹¹ Там же, стр. 45.

⁹² Письмо от 1 июля 1732 г. (хранится в архиве Конгрегации De Propaganda Fide, копия — в собрании Г. Кольмана в Главном пражском архиве Министерства внутренних дел).